

**ТОРГОВО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОРЯН
ЮЖНОГО УРАЛА В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(на примере Уфимской и Оренбургской губерний)**

*Работа представлена кафедрой истории Отечества и методики преподавания истории
Стерлитамакской государственной педагогической академии.*

Научный руководитель - доктор исторических наук, профессор Д. П. Самородов

В статье автор определил основные направления торгово-предпринимательской деятельности дворян Южного Урала в конце XIX - начале XX в. Основное внимание было уделено зерновой

специализации района, которая наложила отпечаток на все виды сельского хозяйства и отрасли предпринимательства. Ведущими отраслями предпринимательской деятельности дворян являлись выращивание товарного хлеба, развитие животноводства, организация лесного дела и винокуренного производства.

The article centers on the main trends of the commercial and entrepreneurial activity of the Southern Urals noblemen at the end of the 19th - beginning of the 20th centuries. Main focus of attention lies with the grain specialization of the region, which influenced the rest of the agricultural and undertaking activities. The key industries of the entrepreneurship of the noblemen consisted in growing bread for sale, development of cattle - breeding, organization of silviculture and distillery production.

В современных условиях экономического развития большинство исследователей обращаются к опыту торгово-предпринимательской деятельности дворян на рубеже веков. В связи с развитием рыночной конъюнктуры данная тема исследования является актуальной. Уфимская и Оренбургская губернии входили в число хлебородных. Зерновая специализация района наложила отпечаток на все другие виды сельского хозяйства и отрасли предпринимательства. Одним из возможных вариантов получения прибыли было животноводство. Исследователи, изучавшие состояние животноводства на Южном Урале, использовали отчеты губернаторов, губернских ветеринарных инспекторов, военно-конские переписи, земские обзоры и другие источники. Ими было показано, что в конце XIX в. на юго-востоке европейской части страны утвердилось нагульное мясное скотоводство¹, которое постепенно принимало товарный характер². Здесь наблюдалось резкое уменьшение поголовья крупного рогатого скота и овец³, что объяснялось прежде всего специализацией хозяйства и большей доходностью зернового хозяйства. Абсолютное поголовье скота уменьшалось. В Уфимской губернии при относительно стабильном поголовье лошадей (18,5 тыс.) наблюдалось уменьшение стада крупного рогатого скота — с 28961 гол. в конце XIX в. до 6193⁴. В 1913 г. в двух уездах Оренбургской губернии (Верхнеуральском и Оренбургском) помещики имели всего 1383 лошади и 5243 головы крупного рогатого скота⁵. В целом в регионе в 1916 г. частновла-

дельческие хозяйства владели 4% всего скота. Сокращение поголовья объяснялось уменьшением размеров частного землевладения, темпы убыли которого были еще более быстрыми.

Как доходная отрасль хозяйства животноводство развивалось в крупных экономиках. Так, в 1913 г. дворянка С. М. Бунина в Белебеевском имении Уфимской губернии имела 198 голов крупного рогатого скота⁶. В Стерлитамакском уезде у В. А. Пашкова в одном имении было стадо из 124 голов скота, а в другом - 110⁷.

При рассмотрении сословности владельцев скота заметно преобладание дворян. Наряду с преобладающей застойной тенденцией в эволюции животноводства просматривалась линия на интенсификацию, улучшение породистости скота. При общем уменьшении поголовья скота в помещичьих хозяйствах просматривалась тенденция специализации и интенсификации животноводства. В 1906 г. на Бирской районной сельскохозяйственной выставке (Уфимская губерния) в отделе крупного рогатого скота «прежде всего останавливали на себе внимание две группы скота, представленные землевладельцами Н. М. Николаевым и Ц. А. Ландсбергом. По заявлению экспертной комиссии, первая группа представлялась довольно характерной, с определенным направлением, свидетельствующим о рациональном и систематическом ведении скотоводства в имении г. Николаева... Молоко коров, исследованное ацедибутилатором Гербера, оказалось содержащим жира выше 40%, что обратило на

себя особенно внимание комиссии»⁸. Николаеву была присуждена медаль Главного управления землеустройства и земледелия, а Ландсберг получил похвальные листы за представленных быка и телку. Но случаи такие были единичны. В 1910 г. на состоявшейся первой районной сельскохозяйственной выставке в г. Стерлитамаке из 23 представленных лошадей землевладельцам принадлежало всего три⁹. Определять тенденции в развитии животноводства региона помещики не могли.

Однако в крупных помещичьих хозяйствах, где просматривалась тенденция к интенсификации хозяйства, животноводство носило не потребительский, а торговый характер. Среди таких хозяйств можно, по нашему мнению, выделить несколько типов. В латифундии Тимашева (80 708 дес), расположенной в Оренбургском уезде, было 224 рабочих и 3 племенных вола, 62 быка, 49 коров, 29 нетелей, 39 телят. Доход от продажи убойного скота и молочного скотоводства в 1900 г. был следующим: продажа 99 голов на 4645 руб., 120 пудов масла на 1200 руб., 720 ведер молока на 120 руб., мяса и сала на 690 руб., 59 голов приплода на 295 руб. За вычетом расходов на оплату служащим 3635 руб. чистый доход помещика составил 3324 руб. Кроме того, в хозяйстве было 7133 головы овец. От продажи шерсти, овечьего мяса, сала экономия получала 4767 руб. 81 коп. чистого дохода в год¹⁰. Перед нами тип скотоводческо-земледельческого хозяйства, из которого продавались главным образом мясо, шерсть, молоко, т. е. непереработанное сырье.

Другой тип хозяйства представляло имение Е. К. Харитоновой. В начале века ей принадлежало 3703 дес, из которых 1917 дес. - пашня, 1776 дес. - луга и залежные земли. Большая площадь естественных сенокосов позволяла содержать конный завод из трех производителей и 40 маток, 80 рабочих лошадей и 360 голов рогатого скота и свиней". К 1913 г. пашня в имении увеличилась до 2412 дес, а сенокосы и выгон, на-

против, уменьшились до 1137 дес. поголовье скота выросло с 480 до 536 голов, преимущественно за счет покупки рабочих волов. В 1916 г. стадо насчитывало уже 806 голов, были куплены овцы (125) и рабочие лошади. В 1917 г. в связи с трудностями военного времени хозяйство сокращалось, и стадо уменьшилось до 603 голов¹². Доход от скотоводства помещице давала продажа живого скота и переработанных продуктов животноводства. Для этого в имении работала сыроварня (производительность 400 пудов сыра) и маслодельня, в которой из 912 пудов молока вырабатывалось 57 пудов сливочного масла. В 1917 г. к моменту переписи из хозяйства Е. К. Харитоновой были уже проданы все масло и сыр, 34 пуда молока и 2 пуда 8 фунтов сметаны. Кроме того, помещица имела и значительную собственную запашку (592 дес. в 1916 г.). Ее хозяйство представляло тип развитого земледельческо-животноводческого хозяйства, в котором прибыль и от одной, и от второй отраслей составляли главные доходные статьи. К этому же типу мы можем отнести имение В. И. Базилевского, где, по мнению оценщиков Дворянского банка, было «образцово поставленное молочное хозяйство». Производившееся масло продавалось в Петербурге и на местном рынке по ценам от 12,5 до 15,5 руб., что на 2,5-5,5 руб. превышало обычную цену¹³.

Однако в подавляющем числе помещичьих имений края скотоводство играло второстепенную роль и носило по преимуществу потребительский характер. Основу помещичьих хозяйств региона составляли имения, в которых главным занятием было выращивание товарного хлеба. Помещикам выгоднее было увеличивать собственную запашку за счет лугов и пастбищ или при растущих ценах на землю сдавать ее в аренду, чем заниматься разведением скота.

Другой статьей дохода в помещичьих хозяйствах был лес. В научной литературе организация лесного хозяйства частных владельцев рассматривается довольно ред-

ко¹⁴, слабо разработана источниковая база. Российская статистика лесовладения была несовершенной. В Оренбургской губернии, к примеру, «неизвестно даже точное число десятин леса», отмечал генерал-губернатор¹⁵, частновладельческое лесоводство не изучалось.

Известно, что помещики не отличались большой заботой о принадлежавшем им лесе, уничтожали его. Особенно значительные размеры вырубка лесов приобрела в начале XX в.¹⁶, что объяснялось благоприятной рыночной конъюнктурой: цены на лес выросли на 29,5% в 1911-1913 гг. по сравнению с первым пятилетием XX в., а экспорт лесных материалов увеличился более чем в два раза¹⁷. Рост цен способствовал увеличению лесной вырубки в стране. Часть леса, даже не имевшего рыночной цены, вырубалась под расширяющуюся экономическую запашку, так как продажа хлеба, высокая арендная плата приносили немалые доходы. Складывавшаяся в начале века рыночная конъюнктура, одновременный рост цен на лесные и хлебные товары формировали атмосферу наживы, создавали ажиотаж вокруг лесных владений. Другой причиной, ускорившей вырубку леса, была продажа помещичьих земель, особенно после 1905 г., в тех участках, которые должны были перейти к Крестьянскому банку для последующей продажи крестьянам¹⁸.

В изучаемом регионе частновладельческие леса занимали 2739,4 дес. и принадлежали преимущественно дворянам и купцам. В Уфимской губернии, например, 44,8% частновладельческого леса находилось в собственности благородного сословия и 46,4% - купеческого¹⁹. Как правило, лес находился в крупных помещичьих экономиках. И. Г. Жуковскому в Бирском уезде в начале 1900-х гг. принадлежало 16 422 дес.²⁰, А. А. Тимашеву в Оренбургском уезде - 12 208 дес.²¹ и т. д. Огромные лесные пространства находились в горнозаводских владениях Н. П. и И. П. Балашовых (200 тыс. дес), К. Э. Белосельского-Бело-

зерского (350 тыс. дес.) в Уфимской губернии, С. П. Фон-Дервиза в Оренбургской губернии (58 279 дес.)²². Лес здесь активно вырубался на дрова и уголь для горных заводов. Горнозаводские лесные дачи мы специально не рассматриваем, так как доход владельца складывался здесь за счет промышленности, а не землевладения, да и сами дачи в начале XX в. стали собственностью акционерных обществ²³. Имеющиеся по региону описания лесных дач помещиков свидетельствуют о ведении в подавляющем большинстве из них нерационального хозяйства. В имении И. Г. Жуковского в Бирском уезде Уфимской губернии на всем пространстве в 12 898 дес. «производилась выборочная рубка хвойных деревьев от 8 вершков и больше в диаметре на высоте груди» и лиственных «от 5 вершков и больше в диаметре на той же высоте», но «строго выработанной системы нет»²⁴. Выработанный лес перерабатывался на двух помещичьих заводах (их общая стоимость 51 175 руб.), затем водным путем на собственных баржах, а бревна - плотами переправляли в Уфу, Царицын, Астрахань. Сплав до Уфы одного бревна в 13 аршин и толщиной не более 9 вершков обходился помещику в 23 коп., а продажная цена половины такого бревна в Царицыне была в 8 раз выше и составляла в это время 184 коп.²⁵

И все-таки при большой доходности лесного дела на территории Уфимской и Оренбургской губерний такого хищнического расхищения лесов, как в России в целом, не было. Это объяснялось тем, что зерновая специализация требовала концентрации капитала помещиков в сельскохозяйственном производстве. Наряду с зерновым ведением и лесного хозяйства было либо под силу крупным помещикам-предпринимателям, например И. Г. Жуковский, либо требовало отказа от зерновой специализации и ориентации на производстве лесоматериалов, заведения с этой целью лесопильных предприятий. Лесная специализация помещичьих хозяйств была заметна в Уфимской

губернии. Лишь здесь в начале XX в. росла продажа леса - с 87 342 до 96 609 куб. саж. за 1900-1911 гг. Лес перерабатывали 25 лесопильных заведений, 19 из которых принадлежало помещикам. В других губерниях региона продажа леса за это время снизилась Оренбургской - с 67 590 до 20 900 куб. саж.

Таким образом, в малолесном степном регионе страны монопольное владение лесом давало возможность помещикам получать значительную прибыль. Лесопильные заведения, заводы по перегонке сухого дерева располагались в крупных поместьях капиталистического типа. Однако прибыль от леса складывалась не только за счет его вырубки и выгодной продажи, но и от размещения в лесной местности дачных участков, сдаваемых в аренду. Помещики выступали в этом случае как типичные предприниматели.

Другим капиталистическим явлением в лесном деле было участие земле- и лесовладельцев в акционерных обществах по обработке и продаже лесных материалов. Потомственные почетные граждане Оренбургской губернии А. М. и В. М. Пимоновы были собственниками Кананикольской дачи в 107,8 тыс. дес. За продажу лесоматериалов Товариществу оренбургских лесоторговцев они имели 429 тыс. руб. ежегодного дохода. В 1904 г. Пимоновы продали дачу Лесному промышленному и торговому обществу за 2 млн руб., ликвидировав такой сделкой задолженность в 1 млн руб. Нижегородско-Самарскому банку. Продав дачу, они стали членами акционерного общества, прибыль которого в 1914 г. составляла 494,4 тыс. руб.²⁶ В то же время капиталистическая организация лесного дела в помещичьих хозяйствах региона сочеталась с традиционными способами утилизации: помещики, пользуясь нуждой крестьян в материале для строительства и топливе, заставляли их очищать лес от бурелома, валежника на условиях исполщины²⁷. Поэтому, отмечал А. М. Анфимов, одной из форм борьбы крестьян в революции 1905 г.

была порубка помещичьего леса. Такие факты, как масштабная вырубка и увоз у помещика строевого леса, о чем сообщалось в дореволюционном обзоре аграрного движения 1905-1907 гг., имели место в Белебеевском уезде Уфимской губернии, других имениях²⁸.

Таким образом, в ведении лесного хозяйства региона переплетались полунатуральные и капиталистические способы его организации. Исполные формы работ в лесных хозяйствах были обусловлены нуждой крестьян в древесном материале и просуществовали до 1917 г. Однако главной формой извлечения прибыли из лесного дела была вырубка леса с целью выгодной его продажи и организации на вырубленных участках дач. Капиталистическая организация лесного дела в регионе преобладала. Животноводство и лесоводство были неглавными в помещичьем хозяйстве. Их доходные статьи составляли второстепенную долю в бюджете после хлебной продажи.

Главным видом обрабатывающей промышленности в регионе было мукомолье, особенно во второй половине первого десятилетия XX в. в сельской местности, в местах производства зерна, шел рост низового капитализма, характеризовавшийся появлением в уездах мелких, но технически оснащенных мельниц, снабженных двигателями внутреннего сгорания²⁹. В Уфимской губернии, как отмечало местное земство в 1913 г., укреплению мельничного производства способствовало развитие зернового хозяйства, а также географические условия (наличие мелких и средних рек)³⁰. Помимо водяных мельниц с тремя и более поставами усиленно развивались мельницы с тепловыми двигателями - паровые, нефтяные, керосиновые и прочие³¹. Росло число технически оснащенных мельниц в Оренбургской губернии. Владельцы простейших ветряных мельниц стали жаловаться на убытки. Один из них, В. Ф. Челнынец, писал в Уфимскую земскую управу: «На что

мужику возиться со мной, когда у него под руками водяные мельницы и нефтяные двигатели»³². Выделить из общих данных сведения о числе мельниц, находившихся в помещичьих экономиках региона, не представляется возможным, так как фабричная инспекция вела учет предприятий с паровым двигателем и количеством рабочих не менее 15 человек³³. Помещичьи мельницы, как правило, не попадали под эти условия: доход их часто составлял 2-3 тыс. руб. в год и относился к разряду предприятий ремесленного типа. Мы располагаем лишь отрывочными данными о частновладельческих мельницах. Так, в Уфимской губернии в 1917 г. действовало 205 водяных, 22 паровых мельницы, 55 сушилок и 13 обдирок³⁴.

В 1913 г. местным обследованием здесь было зафиксировано всего 86 частновладельческих мельниц, 44 из которых (51,2%) принадлежали дворянам. В Оренбургской губернии, по данным губернского статистического комитета, в 1912 г. в Троицком уезде, где главным занятием населения было хлебопашество, работало 195 мельниц³⁵. Центральный же статистический комитет, составляя историко-статистическое описание губернии в 1910 г., взял к учету всего 6 крупных мельниц, на которых было занято 280 рабочих³⁶. Владельцы мельниц одновременно являлись крупными земельными собственниками. Э. И. Борель имел 5524,4 дес. земли в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии, где собственное хозяйство велось на 1404 дес, держалось более 450 голов рабочего скота. Здесь же имелась паровая вальцовая мельница, мельничное место.

В начале XX в. в регионе активно шел процесс концентрации торгово-промышленного и помещичьего капитала в одних руках. Основной тип помещиков, занимавшихся переработкой хлеба и имевших мельницы, представляли те, для кого главным занятием было земледелие, а мельницы удовлетворяли лишь потребности окрестного населения. К такому типу относилось имение А. П. Толстого в Уфимском уезде.

В его имении доход от четырех мельниц составил в 1908 г. 8075 руб.³⁷ Одна из мельниц была снабжена турбиной в 14 лошадиных сил, которая во время осеннего простоя использовалась на крахмалопаточном заводе. Доход в 3340 руб. помещик получал и от базарной площади и винной лавки, сдаваемой в аренду. Но главным занятием в имении было земледелие. В 1913 г. в имении А. П. Толстого в 3389 дес. собственные посе-вы занимали 867,5 дес, а в 1917 г. - 400 дес.³⁸

Еще один тип помещиков представляли хозяева, которые редко использовали мельницы сами, предпочитая сдачу в аренду, обязуя арендаторов не только отдавать денежную плату, но и перемалывать владельческий хлеб. Так, арендатор мельницы в 3 постава в Уфимском уезде заключил в 1897 г. договор с владельцем К. И. Курлиным на 6 лет, условия которого включали 100 руб. ежегодной платы и перемалывание 1500 пудов владельческого хлеба. Дворянин И. В. Пальчиков поступил еще проще: сдал арендатору в Мензелинском уезде землю, на которой последний должен был построить мельницу, по окончании договора поступавшую в собственность владельца³⁹.

Мукомольное предпринимательство помещиков региона было представлено главным образом хозяйствами, ведущими капиталистическое земледелие, в которых мельницы являлись необходимым атрибутом, хотя перемалывание собственного и крестьянского хлеба составляло дополнительный, а не основной источник дохода помещика. Это явление свидетельствовало о росте низового аграрного капитализма, о включенности помещиков в промышленное производство в регионе.

Наряду с фактами быстрой капиталистической эволюции помещичьего хозяйства существовали и другие, когда помещики по-прежнему использовали мельницы, мельничные места для извлечения абсолютной ренты.

Особым видом помещичьего предпринимательства было винокуренное произ-

водство. С 1890-х гг., отмечается в исследовательской литературе, когда был принят закон о винокурении, преимущества для его развития получили мелкие заводы, действовавшие в сельской местности. Положение с источниками для изучения этого вопроса сложное. По имеющимся в нашем распоряжении данным, в Уфимской губернии в 1913 г. было 25 винокурных заводов, а в 1917 г. - 17. Всего один винокурный завод находился в Троицком уезде Оренбургской губернии. Отметим, что большинство из них располагалось в северной части региона, где климат способствовал выращиванию картофеля. На засушливом юге он требовал искусственного орошения, и затраты по его выращиванию превышали общероссийские. Если общую стоимость работ по выращиванию 1 дес. картофеля в Европейской России принять за 100%, то в Уфимской губернии - 99%. Вот почему винокурных заводов в помещичьих экономиках юга региона почти не было, а отдельные, единичные заводы перерабатывали преимущественно зерно. Владельцами заводов были дворяне. В начале XX в. в регионе не наблюдалось роста абсолютного числа заводов, шла замена основного материала переработки - зерна на картофель, о чем свидетельствовало увеличение его посевных площадей. Однако в целом у частных владельцев региона доля картофеля в общей посевной площади составляла всего 2,6 дес. в Уфимской губернии на каждые 100 дес. посева всех хлебов, что демонстрировало, с одной стороны, зависимость владельцев винокурных заводов от крестьянского картофеля, а с другой — маломощность самих заводиков.

На этом общем фоне выделялся завод дворянина Н. В. Ляхова в Уфимском уезде. Завод, имевший паровой двигатель в 10 л. с, работал на собственном сырье: 100 тыс. пудов картофеля, 35 пудов овса, 1176 пудов ржи и 216 пудов проса перегонялись на сухой спирт, который поступал в казну⁴⁰. Несмотря на относительно крупный размер

производства, завод работал сезонно, что свидетельствовало о вотчинном характере винокурения в помещичьей экономике. Картофель мог также использоваться в крахмалопаточном производстве, но выращивание его для этих целей было слишком дорогим и невыгодным, поэтому подобных заводов, работавших на местном сырье, в регионе практически не было. Из всех изученных нами описаний помещичьих хозяйств лишь в одном из них - у А. П. Толстого в Уфимском уезде - было крахмалопаточное производство⁴¹. Завод работал три осенних месяца, когда была свободна мельничная турбина в 14 л. с, перерабатывал 30 тыс. пудов картофеля из своего хозяйства, 75 пудов со стороны. Производительность завода - 4500 пуд. очищенной патоки, которая сбывалась в разные города, преимущественно в Уфу. На заводе работало 8 человек.

Таким образом, для частновладельческого винокурения в регионе в целом были характерны вотчинный, сезонный характер работы и незначительные масштабы производства. Главным сырьем становился картофель, который был более урожайным, чем хлеб, но и более трудоемким при выращивании в условиях местного климата. Выращивание картофеля для нужд крахмалопаточного и винокурного производства было под силу лишь капиталистически организованным интенсивным хозяйствам. Прорастание низового капитализма в частновладельческом винокурном предприятии шло в простейшей скорлупе вотчинного производства.

Другие виды торгово-промышленной деятельности помещиков в регионе представлены производством и продажей кирпичей, извести из каменоломен и т. д. Их продукция использовалась главным образом в своем хозяйстве и продавалась окрестным крестьянам. Так, в Уфимском уезде у дворянки Н. В. Ляховой до лета 1917 г. работал кирпичный завод, перерабатывавший глину и песок из своего хозяйства.

Производительность завода - 300 тыс. кирпичей в год, обслуживали его 12 взрослых мужчин, 2 подростка и 1 служащий⁴².

Таким образом, на рубеже веков дворянами были предприняты попытки развития торгово-предпринимательских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881-1904. С. 210-227; *Усманов Х. Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60-90-е гг. XIX в. М., 1981. С. 347-362.

² *Усманов Х. Ф.* Указ. соч. С. 362.

¹ *Анфимов А. М.* Указ. соч. С. 232.

⁴ ЦГИАРБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 177. Л. 158-163.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 676. Л. 48-49.

⁶ Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 14-17, 18-21.

⁷ Там же. С. 52-55.

⁸ Четвертая Бирская выставка животных с кустарным отделом // Уфимская земская газета. 1907. № 17. С. 46.

⁹ *Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф.* Торгово-предпринимательская деятельность помещиков на Юго-Востоке Европейской России в начале XX в. // Россия сельская XIX - начало XX века / Под ред. А. П. Корелина. М., 2004. С. 232.

¹⁰ РГИА. Ф. 593. Оп. 14. Д. 43. Л. 17-18.

¹¹ ЦГИА РБ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 2874. Л. 4-15.

¹² ЦГИА РБ. Ф. Р.-473. Оп. Д. 580.

¹³ ЦГИА РБ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 2956. Л. 12.

¹⁴ *Анфимов А. М.* Указ. соч. С. 210-227; *Усманов Х. Ф.* Указ. соч. С. 347-362.

¹⁵ *Тагирова Н. Ф.* История Уфимского имения Аксаковых в эпоху капитализма // Башкирский край. Уфа, 1992. Вып. 2. С. 43-48.

¹⁶ *Анфимов А. М.* Указ. соч. С. 210-227; *Усманов Х. Ф.* Указ. соч. С. 243.

¹⁷ *Усманов Х. Ф.* С. 246.

¹⁸ *Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф.* Указ. соч. С. 236.

¹⁹ Подсчитано по: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. С. 1-153.

²⁰ *Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф.* Указ. соч. С. 236.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 138. Л. 136.

²⁴ *Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф.* Указ. соч. С. 236.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ РГИА Ф. 76. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

²⁷ Там же.

²⁸ Аграрное движение в России в 1905-1907 гг. С. 164.

²⁹ *Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф.* Указ. соч. С. 240.

³⁰ ЦГИАРБ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 676. Л. 124.

³¹ Там же.

³² ЦГИА РБ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.

³³ *Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф.* Указ. соч. С. 240.

³⁴ ЦГИА РБ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 177. Л. 158-163.

³⁵ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 210. Л. 17.

³⁶ РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 51. Л. 15.

³⁷ ЦГИА РБ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 32. Л. 30.

³⁸ Там же. Л. 31.

³⁹ *Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф.* Указ. соч. С. 242.

[^] ЦГИАРБ. Ф. 473. Оп. 1. Д. 580. Л. 31.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.